

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ДОБРОЛЮБОВА В ПЕЧАТИ

СТАТЬЯ ИЗ ГАЗЕТЫ «С.-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1856 г.)

Публикация В. Э. Бограда и С. А. Рейсера

Публикуемый текст неизвестной до сих пор статьи Добролюбова «Литературная заметка» был напечатан в газете «С.-Петербургские ведомости», 1856, № 164, от 24 июля за подписью *Николай Александрович*.

Авторство Добролюбова устанавливается на основании свидетельства П. П. Пекарского в его рукописных «Материалах к словарю псевдонимов русских писателей XVIII—XIX веков» (ИРЛИ, архив Я. К. Грога, шифр 16422/СIII б. 21).

В записи Пекарского о Добролюбове читаем: «Лайбов — студент в 1856 г. Пед. института Добролюбов в „Современнике“ за август и сентябрь 1856 г. „Собеседник любителей российской словесности“. Его же: разбор там же в библиографии брошюр о педагогическом институте и статья в „СПб. ведомостях“ летом 1856 г. против Островского с эпиграфом:

Задеть мою амбицию
Я не позволю вам».

Это совершенно определенное указание, восходящее, вероятнее всего, к сообщению А. Н. Пыпина или Н. Г. Чернышевского, с которыми Пекарский был в 1854—1859 гг. близок, и позволило обнаружить публикуемую статью. Точность сообщения Пекарского едва ли может быть оспорена; следует добавить, что псевдоним «Николай Александрович», которым подписана статья (а также «Н. Александрович» и «Н. А. Александрович»), Добролюбов употреблял и впоследствии («Современник», 1857, № 8; 1858, № 5).

Еще одним важным дополнительным аргументом в пользу авторства Добролюбова может служить запись в его дневнике от 8 февраля 1857 г.: «Провел вечер в беседах с М. Н. Островским (братом комика, которого я так обругал некогда, да и вчера только по забывчивости не ругнул, говоря о 2 № „Современника“, потому что не знал, что говорю с его братом)» (VI, 479).

Публикуемая статья давно известна исследователям Островского, но имя ее действительного автора оставалось неустановленным. Порою она приписывалась даже В. Р. Зотову! (см. статью М. Д. Б е л я е в а «Газетная травля. Островский и Горев-Тарасенков». — Сб. «Памяти А. Н. Островского». Пг., 1923, стр. 71, 81 и 85; здесь изложена фактическая сторона конфликта).

Обнаруженная статья Добролюбова является его первым известным выступлением в печати. Недавно познакомившись с Чернышевским и только начав сотрудничать в «Современнике», Добролюбов еще плохо понимал взаимоотношения в литературном мире. До него, очевидно, в искаженном виде, доходили слухи (может быть, через Татариновых, Галаховых или товарищей по Главному педагогическому институту) о происходивших в это время спорах о соавторстве артиста Д. А. Горева-Тарасенкова в комедии Островского «Банкрот» («Свои люди — сочтемся»).

Идеологическая позиция Островского в это время — славянофильские взгляды драматурга, в частности, выразившиеся в комедии «Бедность не порок» — не могла

вызывать особых симпатий Добролюбова. Статью Чернышевского об этой комедии («Современник», 1854, № 5) Добролюбов, конечно, знал. Вероятно, этим объясняется резкость позиции Добролюбова в отношении Островского. В феврале 1857 г., как видно из приведенной выше дневниковой записи, он отнеслся к драматургу все еще недоброжелательно, и комедия «Праздничный сон — до обеда», напечатанная в № 2 «Современника» 1857 г., не изменила его мнения. В публикуемой статье подтверждение этому находим в презрительном высказывании об «идеализации купечества». Статья посвящена конфликту Островского с Горевым-Тарасенковым, но, занимая в этом споре неправильную позицию, Добролюбов, однако, не выступает в качестве судьи. Он пишет: «Мы столь же равнодушны к г. Гореву, и столь же мало ждем *нового слова* от него, как и от г. Островского».

Некоторым оправданием занятой Добролюбовым позиции могут служить заключительные строки статьи. Добролюбов, как видим, подчеркивает, что он не вмешивается *по существу* в спор Островского—Горева «и нисколько не высказывает полной уверенности в предположениях г. Зотова и г. Правдова». Однако Добролюбов не мог не указать, что язык Островского в «Своих людях» «обработан гораздо лучше» по сравнению с языком «Сцен» Горева. Добролюбову показалось, что позиция Островского представляет собою «самохваление, соединенное с обидным пренебрежением к литературным собратам».

Вероятно, Добролюбов вскоре убедился в несправедливости своих суждений об Островском и никогда больше не возвращался к ним. В знаменитых статьях — «Темное царство» и «Луч света в темном царстве» великий критик сумел со всей глубиной показать значение творчества Островского. Обвинению в высокомерии здесь уже нет места.

Новонайденная статья Добролюбова представляет несомненный интерес для изучения творческого пути великого критика.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМЕТКА

Задежь мою амбицию
Я не позволю вам;
На вас, сударь, в полицию
Я жалобу подам.

Из водевиля «Чиновник
по особым поручениям».

Было время, когда нещадно издевались над Полевым за его литературное самовосхваление. Еще недавно поднимали на смех за то же самое Гоголя, по поводу его странного завещания. И за это никого не подвергали судебным допросам. Припоминая эти примеры, решаюсь просить вас поместить в «Санктпетербургских ведомостях» мои замечания о г. Островском, который, хотя и старается запугать своих противников, но этим нисколько не приобретает себе права равняться в литературе не только с Гоголем, но даже и с Полевым.

В 80 № «Московских ведомостей» 1856 г. помещено *литературное объяснение* г. Островского, в ответ на некоторые недоумения об участии в его литературной известности г. Горева, высказанные в «Ведомостях московской городской полиции» и в «Санктпетербургских ведомостях». Объяснение это, правда, запоздало двумя месяцами, но г. Островский объясняет его тем, что «находясь вдали от обеих столиц и даже от губернских городов, он не мог знать, что делается в русской литературе, особенно в *нижних* слоях ее». Под *нижними* слоями он, очевидно, понимает фельетоны, помещаемые, действительно, *внизу* каждого № газеты; очень легко, впрочем, может быть, что г. Островский называет *нижними* слоями литературы — все, кроме тех книжек «Москвитянина» и других журналов, где помещены его комедии. Дальнейшие строки придают большую

вероятность этому предположению. Как бы то ни было, г. Островский два месяца не читал газет и журналов и потому не знал, что делается в литературе. А между тем в это время произошли события ужасные! Видите в чем дело. У г. Островского, как у всех людей вообще и у великих в особенности, очень много завистников. Без всякого сомнения, — это люди бездарные (иначе и не может быть: всякий умный и благородный человек должен пасть во прах перед гением!); они-то и старались всячески вредить

«СОЧИНЕНИЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА», ТОМ I, СПБ., 1862. ЭКЗЕМПЛЯР ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАРЛА МАРКСА

Титульный лист и страница книги с пометкой Маркса, конец 1871 г.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

г. Островскому. Но так как его гений выше всякого сомнения и критика вредить ему не может, то они по своей натуре решились на другое средство — на *клевету*! Однакож и клеветать они боялись на г. Островского, пока он был «не вдали от обеих столиц и даже губернских городов», и, следовательно, читал еще журналы и газеты. Коварные враги выждали, когда г. Островский отправится в какую-то глушь, справились, как, зачем и надолго ли он поехал, собрали сведения, будет ли он читать что-нибудь в своей глуши, и, запасшись всеми этими сведениями, решились скромно изъяснить свои предположения о г. Горева, «надеясь, что их выходки останутся безнаказанными» (слова г. Островского). Эта удивительная дерзость сопровождалась не менее удивительным коварством: завистники обращались в своих статьях с некоторыми вопросами к г. Островскому, будто бы не зная, что он «вдали от обеих столиц и даже губернских городов» и, следовательно, не может нигде найти их фельетонов. Но притворство достойно наказано. Возвратившись в конце июня в Тверь, г. Островский получил некоторые №№ газет (за два месяца), конечно, те, которые особенно его интересовали, и решил бросить взгляд на низшие слои

литературы, т. е. на фельетоны «Ведомостей московской городской полиции» и «Санктпетербургских ведомостей». И вот 27-го июня 1856 года он написал грозное обличение: «Фельетонисты означенных газет, — говорит он, — рассчитывая на мое отсутствие, надеялись, что их выходки останутся безнаказанными и, по их расчету, получат некоторое правдоподобие. Но в своем расчете они ошиблись!..» Г. Островский является неумолимым, грозным обличителем, замечая: «Как ни тяжело отрываться от важных занятий для того, чтобы отвечать на нападки завистливой бездарности, но молчать далее я считаю неприличным». Конечно, неприлично молчать — все-таки лучше, чем неприлично говорить, но — quod non decet bovem, decet Jovem *, и выходки, для всякого другого в высшей степени неприличные, как нельзя приличнее идут к г. Островскому. Прочтите и судите.

В 97 № «Ведомостей московской городской полиции» г. Правдов написал: «имена гг. Островского и Горева известны, как имена лиц, подвизающихся на одном и том же поприще театральной литературы». Кажется, что тут оскорбительного? Вероятно, сам Грибоедов не осердился бы, если бы его сблизили таким образом — хоть с г. Островским. Но г. Островского эти слова почему-то приводят в ужасный гнев. «Предоставляю публике судить (говорит он), насколько тут справедливости и деликатности. Вероятно, не одному благородному человеку, прочитавшему эти строки, будет грустно за литературу (!!!?)». Чем объяснить эти строки? Высокомерное ли это quos ego ** или желание выказать себя недоступнее, чем на деле есть, вспышка ли раздраженного самолюбия или... или это по присловью Тита Титыча Брускова: «Дай хоть поругаться-то за свои деньги» (см. «Русские ведомости», 1856 г. № 2, стр. 204). Во всяком случае, если бы г. Островского сблизили не только с г. Горевым, а даже с г. Булгариным или г. Татариновым, и тогда, кажется, грустить за литературу не было бы еще никакого повода. А теперь всякий благородный человек должен еще порадоваться, что отдают, наконец, справедливость человеку с дарованием, бесспорно, очень замечательным. В «Сценах», напечатанных в последней книжке «Отечественных записок», многие заметили талант, во многом родственный с талантом автора «Своих людей», хотя нельзя не заметить и того, что язык в «Своих людях» обработан гораздо лучше. В «Сценах» г. Горева является то меткое, удачное изображение действительного купеческого быта, какое мы видели в «Своих людях» и до какого не достигал сам г. Островский в последующих своих комедиях, пустившись, как известно, в идеализацию купечества. Но г. Островский не хочет знать ничего этого, зная только, что от него ждут не дождутся нового слова в литературе.

На все обвинения газет (выпрощен, там были собственно вопросы и намеки, требовавшие разрешения: г. Островский сам придал им значение обвинений, приняв их так горячо к сердцу), на все обвинения г. Островский дает такое объяснение: «Осенью 1846 г., прежде нежели пришел ко мне г. Горев, комедия в общих чертах была уже задумана, и некоторые сцены набросаны; многим лицам я рассказывал идею и читал некоторые подробности (sic). Кроме того, мною в это время написано было много сцен из купеческого быта. На все это я имею свидетельства весьма многих лиц, заслуживающих полное доверие. Осенью 1846 г. пришел ко мне г. Горев; я прочел ему написанные мною: „Семейные сцены“, и рассказал сюжет своей пьесы. Он предложил начать обделку сюжета вместе, я согласился, и мы занимались три или четыре вечера (т. е. г. Горев писал, а я большую часть диктовал). Таким образом было написано четыре небольшие явле-

* что не приличествует быку, то приличествует Юпитеру (лат.).

** я вас! (лат.).

ния первого действия (около шести писанных листов). *В последний вечер г. Горев объявил мне, что он должен ехать из Москвы. Тем и ограничилось его сотрудничество...*

Такова истина, изложенная г. Островским и весьма сильно напоминающая крутые повороты развязки в последних его комедиях. Конечно, критика не замедлила бы придаться к неестественности такого оборота, если бы это было создание комической фантазии г. Островского, но здесь чистая, неумытая, неприглаженная и неукрашенная действительность: критике остается молчать.

Затем в оправдание себя г. Островский говорит, что его обвиняет не сам г. Горев, а люди, *не смеющие даже подписать свои фамилии*. Но между тем сам же он называет обоих своих обвинителей, г. Правдова и г. Зотова. «Как назвать этот поступок?», спросим мы словами самого г. Островского, хотя и не прибавим, как он о г. Зотове, что это «*клевета, заслуживающая гласного обличения*» (см. № 80-й «Московских ведомостей»).

В конце *объяснения*, сделав еще несколько резких выходов (на которые отвечать мы предоставляем тем, кого они касаются), г. Островский без церемонии еще раз бранит своих врагов, называя их *литературными башибузуками*, и выхваляет себя, именуя себя, применяясь, конечно, к обстоятельствам, «литератором, *честно служащим литературному делу*». После этого, кажется, он мог бы уже считать себя победителем. Но ему все кажется, что еще не довольно. Он как будто чувствует под конец, что его успех в этом прении стоит несчастнейшей пирровой победы, и, надеясь на свои литературные силы, прибегает к посторонним средствам. Он напоминает своим «врагам» о «законах, ограждающих в нашем отечестве *личность и собственность* каждого», что заставляет думать, что у него какие-то юридические документы на безраздельное владение «Своими людьми», вроде контракта, купчей крепости, и т. п. В таком случае судиться с ним, конечно, никто не будет. Что же касается до *личности*, то, как говорил Крылов,

Чем кумушек считать — трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?..

Каждый из литературных «врагов» г. Островского гораздо более имеет права обидеться его выражениями (припомните — завистливую бездарность, клеветников, башибузуков), нежели он всяческими подозрениями, которые всегда возможны и позволительны и несколько не запрещаются существующими постановлениями о литературной собственности.

Мы не вмешиваемся в дело г. Островского и г. Горева и несколько не высказываем полной уверенности в предположениях г. Зотова и г. Правдова. Мы столь же равнодушны к г. Гореву, и столь же мало ждем *нового слова* от него, как и от г. Островского. Мы не хотим быть ни судьями, ни посредниками между ними, а пишем эти строки единственно для того, чтобы подать голос против неслыханного самохваления, соединенного с обидным пренебрежением к литературным собратам. Принимая на себя обязанность объяснить недоумения публики (потому что известно всем читающим людям, что слух о г. Гореве не фельетонистами раслуцен), г. Островский мог сделать это, не выходя из границ приличия, не переходя тех пределов, за которыми начинается уже не литературный спор, а нечто такое, чего не называют в печати... Он не хотел остаться в этих границах, и от этого хуже, конечно, только ему. Сколько мы знаем, г. Островский в этом объяснении в первый раз говорит с публикой от своего имени, и вот каким тоном он заговорил с ней! Вот какого *нового слова* дождалась от г. Островского его поклонники!..

Николай Александрович